
ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Г. М. ШАВЕРДЯН

Современный человек отмечен особым проклятием: с его ведома или без ему отказано в том мышлении, которое является опорой для его статуса "человек". Его мышление представляет собой всякую всячину - вялотекущий процесс ассоциативных рядов, лихорадочное просчитывание выгоды, кратковременное включение, интеллектуальную жвачку, бессильные абстракции, размазанные ходы, омертвелость, пугающие абсурд, ступор, словом, все, что не может и не должно быть продумано, осознано, завершено и проговорено. Этот процесс тотального недомыслия - невидимый снежный ком, нарастающий с каждым разом, когда мы индифферентно проходим мимо логической непоследовательности, когнитивных диссонансов и мыслительных искажений. При этом, когда человек единожды сталкивается с абсурдом и реагирует на него кратковременным ступорообразным дискомфортом, то силой мышления он мгновенно восстанавливает реальность. Следующая за этим реакция — смех или возмущение (исключение составляют травматические удары, которые в первые минуту также оцениваются как абсурд, но имеют другое развитие). Но если сталкиваться с абсурдом десятикратно в неделю и уже на него не реагировать, то за это надо платить дорогой ценой, а именно, постепенным ослаблением мыслительной способности и хронификацией недомыслия. Этот курс на отупение уже взят современным человечеством, хотя перспективы окончательной атрофии способности что-либо мыслить и понимать кажутся ему далекими. По аналогии с болезнью этот курс представляет следующую цепочку фактов: вредные влияния окружающей среды, питание и пр. (оказывающие на нас впечатления внешнего мира, где многое поставлено с ног на голову), далее — острая форма заболевания (смех, возмущение, гнев, боль, а также страх, что уже никогда все это не будет поставлено с головы на ноги), после — хронификация заболевания (хроническое недомыслие), и, наконец, одно из двух: исцеление (домыслить и осознать) или смерть (не мыслить вовсе).

Пока же мышление окончательно не испустило дух, у нас остается время для того, чтобы попытаться выделить некоторые причины недомыслия, домывлив которые мы можем прийти к определению путей выхода из тотального недомыслия с возможной перспективой возрождения умения мыслить.

Недомыслие как характерная черта мышления современного человека эквивалентно самой сути современного мира. Современный человек активно пользуется компьютером, сотовым телефоном, микровол-

новкой и пр., но не знает природы, идейных оснований и принципов работы этих устройств. Он не может в своем мышлении поступательно спродуцировать мыслительные шаги между “кнопкой” и операцией, которую выполняет, например, электронная почта. Но чем комфортнее становится быт, тем меньше современный человек испытывает потребность познавать мир, который его окружает, и следовательно, тем шаблоннее и примитивнее становится его мышление. Поэтому современный человек, как считает американский социолог Д. Вуд, не иррационален, а иррационализирован; он отказался от прежней опоры на рационализм и подпал под магическое влияние техники и ее “жрецов”, к примеру, программистов. Отсюда и предложенное Д. Вудом название этого состояния и, одновременно, цивилизации - “постинтеллектуализм”, означающий происходящее на протяжении уже достаточно долгого времени вымывание внутреннего содержания из всего, в чем живет и с чем соприкасается современный человек - государственное управление, образование, средства массовой информации, семья, экономика и др., в результате чего теряется смысл таких понятий, как “ответственность”, “разумность”, “свобода”.

В схеме Д. Вуда история человечества делится на три эры, которым соответствуют три разных типа цивилизации: прединтеллектуальная, интеллектуальная и постинтеллектуальная¹. Первый тип - цивилизация, в рамках которой возможно лишь воспроизводство и передача коллективной “мудрости отцов”. Второй тип - цивилизация прогресса и печатного слова, расчленяющего аналитическое мышление, цивилизация индивидуализма и индивидуальной, а не коллективной истины.

Казалось бы, что дальнейшее развитие должно было перекинуть мост от индивидуализма к некой особой соборности и согласованности смыслов бытия, однако третий тип цивилизации, к которой мы принадлежим, вогнала в хаос все существующие смыслы.

Вместо еще более глубинного и детального различения смыслов атрибутом цивилизации антиинтеллектуализма стала “паутина” высокотехнологичных коммуникаций, обуславливающая, во-первых, социальный беспорядок и в конечном итоге информационную анархию, поскольку ни одно сообщение не ценнее любого другого; во-вторых, вместо культивирования подлинного искусства, в котором, по выражению Гете, содержится необходимость и Бог, вытеснение “популярным” искусством “высокого”; в-третьих, вместо вникания в смыслы научных фактов - всеобщее образование на фоне снижения уровня грамотности; и, наконец, вместо понимания того, что несет книга, вытеснение печатного слова визуальными образами новых электронных медиа. Создается впечатление, что эпоха намеренно задалась целью снизить мыслительную способность и девальвировать мысль. Есть такая запись

¹ D. N. Wood, *Post-Intellectualism and the Decline of Democracy: The Failure of Reason and Responsibility in the Twentieth Century*, Greenwood Publishing Group, CA, 1996, 320 p.

в блокноте А. Жданова “необходимо растлить преувеличенный престиж Америки с Англией”². Похоже, однако, что в деле “растления” престижа мысли эти страны играют не последнюю роль.

Сознательным культивированием недомыслия человечество обязано средствам массовой информации и определенным закулисным службам, сотрудники которых зарекомендовали себя как опытные извращенцы разума и клятвенные враги индивидуальности. Культ “серых” органично вписался в контекст интенциональности политиков и активно поддерживается средствами массовой информации. Индивидуальность выталкивается из общества по первому признаку, а именно, умению и охоте мыслить. Психологическое уточнение смыслов увиденного не только отброшено за ненадобностью, но и осуждается и критикуется. В целом, происходящее напоминает модифицированную технику прямой вербовки в ряды печально известной организации, которая существенно изменилась в нескольких отношениях. Прежде всего, поубавилось лагерей, но произошло едва ли не худшее — многократно умножились люди, имеющие психологию спецслужб и следующие их основным “заповедям”: внимание к деталям и игнорирование главного, умение выдать ложь за правду, владение приемами смещения всего так, чтобы невозможно было различить истинные смыслы, способность исказить восприятие, умение оглушительно молчать в диалогическом общении, планирование и высчитывание ходов, никакого доверия к кому бы то ни было и пр. Далее, если спецслужбам были необходимы отдельные отобранные ими агенты, то невидимому и неопознанному врагу современности нужны все; если вербующих мотивировали материальными благами, то теперь, наряду с материальным, обольщают грандиозной зрелищностью — различными шоу, рок-концертами, гламурной жизнью и прочими вызовами вожделению; если механизмом бездумного и фанатичного служения определенной идеологии являлся страх смерти, а завербованный оказывался подневольным рабом, то сейчас наступила эпоха добровольных рабов, готовых на что угодно не ради куска хлеба, а ради “счастливой” жизни. Таким образом, безмерно увеличился радиус психологического заражения тем менталитетом, который был (и все еще есть) уместен только для нужд разведки.

В “Протоколе заседания секретного отдела ВЧК. 1921 год” читаем: “Вербовать осведомителей по духовенству предлагается после некоторого знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа в отдельности. Материалы могут быть добыты разными путями, главным образом через изъятие переписки при обысках и через личное знакомство с духовной средой. Материальное заинтересование того или иного осведомителя среди духовенства необходимо, так как на одной этой почве еще можно договориться с попом, а надеяться на его доброжелательное отношение к Советской власти нельзя. При этом субсидии денежные и натурой, без

² Цит по: “Пресса о «деле» Суягина”, “Общая газета”, № 9 (447), 06.03.2002.

сомнения, их будут связывать с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет вечный раб, боящийся расконспирировать свою деятельность. Должна практиковаться вербовка осведомителей и через застрашивание тюрьмой и лагерем по незначительным поводам - за спекуляцию или нарушение распоряжений властей³. Любопытно, что “вечным рабом” становились те, кто принимал субсидии. Времена изменились — теперь под “субсидиями” подразумевается дозволение власти предрержащих развернуть более или менее крупный легальный (или не очень) бизнес, при том, что в случае недостаточной лояльности в любую минуту могут захлопнуть капкан. Так штампуются добровольные рабы-толстосумы, застрашенные не страхом голодной и холодной смерти, а лишением “счастья”. Однако особый интерес представляет выражение “некоторое знакомство с духовным миром”, вызывающее реминисценции с сегодняшним днем, в котором господствует “некоторое знакомство”: человека с окружающим миром, ученого с наукой, политика с политическими реалиями, врача с организмом, художника с художественным, психолога с психическим и пр. Но “некоторое приблизительное знакомство с духовным” миром делает из сектанта фанатика, из католика педофила, из церковника вымогателя и пр. Ничего, решительно ничего не доводится до более или менее заверщенного и основательного понимания.

Возрастающие скорости жизни вытолкнули практическую необходимость процессуальности мышления, поиска связей между явлениями, освоения и усвоения мыслительного “материала”. Восприятие укорочено до клипового предела так, чтобы за ним не могло бы последовать представление (!), не говоря уже о формировании мысли.

А если мысль все же формируется, то она работает в режиме шахматных ходов или вовсе кроссворда: отдельные не стыкуемые друг с другом знания, норовящие выпрыгнуть из операциональной памяти и поместиться в клетку или, если угодно, когнитивную матрицу. Но это - не мысли, потому что мысли “любовно” притягиваются друг к другу смыслом, а некие знания-высочки, выпавшие из мыслительной целостности или гештальта. Ирония заключается в том, что подобное “короткомыслие” отразилось, прежде всего, на науке, которая по долгу службы обязана работать в режиме процессуальности мышления. Вот почему сложные категории психологии изгнаны из ее исследовательского поля и заменены на “мобильные” технические понятия, которые “сглаживают” целые пласты глубинных причин явлений и “выдают на гора” запутанный сплав истины и лжи или оптимистически-пустые мантры типа “Я красивая”, “Я все могу” и пр. В этом деле не отстали и другие: мысль политических, так сказать, деятелей длится от выборов к выборам, ученых — от гранта к гранту, предпринимателей — от сделки к сделке, журналистов — от сенсации к ней же, словом, длительность

³ Цит по: В. Лозинский, Институт “вечных рабов” и “только помощников”, www.hro.org.

процесса нашего мышления измеряется от выгоды к выгоде, от лжи к лжи, и, вспомнив окрещенного В. Набоковым “венского шарлатана”, - от одного удовольствия к другому. Такова единица мысли.

Один из обращенных к Богу эпитетов Григора Нарекаци - *“длинно-мыслящий”*. Это слово, как любое им высказанное, ведет к отдаленным смыслам: мысль Бога, объемлющая весь Космос в бинарностях и полноте (время и пространство, одушевленное и неодушевленное, материальное и духовное и пр.) противопоставлена здесь не человеческой мысли как таковой, но человеку, который смеет и умеет мыслить только расположенные рядом вещи, который предается и отдается произволу ассоциативной цепочки и не желает вместе со своей мыслью идти дальше собственного носа.

“Длинномыслие”, однако, труднодостижимо. Оно требует:

- *максимальной вмещающей способности без сверхбодственных реакций⁴*;
- *антиномичного мышления без паралогического мышления и двойных стандартов*;
- *болезненного разтождествления с полюбившимися селфами без депрессивного фона*;
- *постыжения динамики становления и метаморфозы без растворения в диффузном мышлении*;
- *мыслительной дисциплины без паранойяльного педантизма*;
- *отказа от укоренившихся мыслительных привычек без исторического оригинальничания*; - *расширения мысли за пределы временных и пространственных измерений без шизофренической вычурности и абстрактности мышления*;
- *симптоматологического вникания в детали без эпилептоидной обстоятельности*.

Как видно, *“длинномыслие”* может быть противопоставлено не только *“короткомыслию”*. В техническом отношении оно составляет противоположный патологии полюс. Подобно тому, как небесные тела видны тем лучше, чем темнее ночь, заострение взгляда на нормальное мышление делает видимыми подводные течения этой *“нормы”*, мыслительные основания которой настолько шатки, что она в любую минуту готова рухнуть в бред. *“Мира в Абхазии можно достичь только военным путем”*, - заявляет один политик, а другой, демонстрируя беспримерный патриотизм, выдает: *“Замечательно, пусть Америка и Ирак продолжают уничтожать друг друга, нефть подорожает и Россия будет только богаче!”* Вопрос о том, сможет ли Россия остаться нейтральной, если события будут развиваться в этом направлении, представляет самое минимальное продвижение мысли, но уже меняет картину в не слишком *“замечательную”* сторону. Примером научного недомыслия

⁴ Симптом посттравматического стрессового расстройства, заключающийся в постоянной и неусыпной готовности к чему-либо необычному и опасному (startle reactions).

может служить тот факт, что, желая объяснить происхождение человека, “последователи Геккеля просто считали, сколько костей имеет человек, сколько мускулов и так далее, и сколько их имеет совершенное животное. Если считать таким образом, то трудно поступить иначе, кроме как поставив человека в конец животного ряда. Но дело обстоит несколько иначе, если совершенно очевидно, что линия позвоночника человека расположена вертикально, ... ориентирована в направлении земного радиуса, тогда как у животного линия позвоночника параллельна поверхности Земли”⁵. Не вдаваясь в дальнейшие детали этой проблемы, отметим, что “счетоводы” просчитались в самом “малом”: оперевшись на арифметику и скинув со счетов разницу вертикального и горизонтального, они нарушили очевидную геометрию земных и космических законов. Далее вступила в права инерция, и арифметика оказалась катехизисом естественнонаучных исследований, после чего не составило труда “подмять” под себя также психологию.

Однако в качестве основного требования к “длинномыслию” необходимо признать наличие приоритета непребывающих мыслей над преобладающими. Захваченность современного сознания материально-физическим закрывает доступ к познанию духовного, не позволяя одухотворить в мышлении образы проявленного мира. Не только тело, но и психика рассматриваются как более или менее организованный конгломерат материальных частиц. Меж тем, обучение, ограниченное только физическим, не мотивирует интереса к давнему прошлому и далекому будущему, а в настоящем имеет дело с мертвыми понятиями, опустошающими сферу чувств. Способность к проекции проявленного мира на непроявленный, умение интуитивно воспринимать, умение индивидуализированно мыслить, сотворять из видимых физическому глазу предметов недоступные ему имагинации или “символы надличных переживаний”, которые делают видимым идеальную, сверхчувственную основу чувственного мира, - все это выброшено за ненадобностью. Взамен этого поощряются несущие на себе отпечаток группового мышления аналитичность, гибкость, комбинаторика, скорость, точность, с помощью которых можно манипулировать на человеческой глупости, заключающейся в том, чтобы принимать реальное за нереальное и наоборот. Имеется в виду ограничение реальности хладнокровными рассудочными выкладками и отнесение в разряд нереального домысливание эмпирических фактов вплоть до несущих свободу духовнонаучных истин. “Цена свободы — постоянная бдительность” — любил повторять основатель психосинтетической психологии Р. Ассаджиоли. Если не спешить разрезать мысль ножом мнимой практичности, то можно любую мысль донести до некой ипостаси, при которой пространство и время (т.е. все, что включено в т.н. выборку) теряют основание в смысле механического позитивизма и впервые обретают его в контексте настоящей и

⁵ Р. Штайнер, *Отношение различных естественнонаучных областей к астрономии*, М., 2006, с. 177-178.

органической эмпирики. Противопоставляя атомистической, механистической психологии “органическую психологию”, В. П. Зинченко нашел содержательное оправдание ее существования в проблематике свободного действия (восприятия или мысли), которое при условии “ухода от картезианской дихотомии души и тела, в том числе и ухода от натуралистической трактовки внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного), с которой связана столь же натуралистическая трактовка процессов интериоризации и экстериоризации”, выявляет свою органическую природу⁶. Здесь отступает “абаутизм” (термин “абаутизм”, означающий говорение “о” предмете в противоположность пониманию “из” предмета, ввел в психологию основатель гештальттерапии Ф. Перлс,) и вступают в силу три важнейших обстоятельства.

Первое: формула Г. Г. Шпета “Я и есть предмет”, т.е. индивидуализированная мысль познающего человека, осознавшего себя в качестве “единственного”. Согласно Г. Г. Шпету, познание вещи и познание личности необходимо охарактеризовать как пределы. Один предел - чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой односторонним актом этого другого (познающего). Такая вещь лишена собственного неотчуждаемого и непотребляемого нутра и может быть только предметом практической заинтересованности. Другой предел - мысль о Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва, необходимость свободного самооткровения личности. Здесь уже есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить или потребить.

Во-вторых, мысль М. М. Бахтина о “Я”, которое в силу того, что характеризует единственностью места и времени, единственностью животного происхождения, социальной и исторической единственностью, не допускает образования общих понятий, означает, что понятия “Я” индивидуализированы, но вместе с тем идеальны и объективны.

В-третьих, идея П. Флоренского о том, что содержание символа не может быть рассудочным, но лишь непосредственно переживаемым в опыте само-творчества, в деятельном само-построении личности, в тождестве духовного само-сознания, указывает на бессмысленность разрыва между тем, что стоит по обе стороны символа - внешней и внутренней.

Таким образом, отсылая нас к указанным трем “столпам”, В.П. Зинченко показывает, как лишается смысла само коррелятивное отношение дихотомии наук о духе и о природе⁷. Потому что переживающий идею в духе и посредством духа (Р. Ассаджиоли) или проживающий ее в своем истинном “Я” (Ф. Перлс) обнаруживает себя выбывшим из группы, т.е. из всех внешних группой интроектов, из всех критериев универсального и общезначимого, и ощущающим дух вещи, но не в

⁶ В. П. Зинченко, От классической к органической психологии, “Вопросы психологии”, 1996, № 5, с. 20-30.

⁷ В. П. Зинченко, Г. Г. Шпет и М. М. Бахтин (Оппоненты или единомышленники?) (К 120-летию со дня рождения Г. Г. Шпета), “Вопросы психологии”, 1999, № 6, с. 110-119.

смысле воздаяния надоевшей религиозной традиции, а в контексте энергичного призыва Гете: “Мир духов рядом, Дверь не на запоре, Но сам ты слеп и все в тебе мертво, Очнись! Омойся в утренней заре, как в море...”

Столетие назад Эдуард фон Гартман в своем “Очерке натурфилософии” (1907) говорил о неподвластных сознательному интеллекту “органических сверхсилах”, которые существуют на уровне психики, клеточном уровне органов, на уровне природных царств, небесных тел и вселенной и которые не являются материальными, механистическими или энергетическими⁸. “Центр тяжести” или формообразующее ядро мысли заключено в ней самой, а привычка представлять мышление в материалистически-энергетических категориях является частью иллюзии нынешней “научности”, додумавшейся, а точнее, прервавшей мышление на корреляциях типа “дух – подкорка, правое полушарие”, “душа – кора, левое полушарие”⁹. “Я”, обзирающее предмет *не со стороны*, а со стороны предмета, который стал на это время “Я”, постигает таким путем его истинную природу и говорит не “о”, а “из” предмета. Необходимо только не уклониться от фундаментального для М.М. Бахтина вопроса: “кто говорит?” П. Успенский ответил бы: “сущность”, в противоположность личности, К. Юнг - “Самость” в противоположность “Комплексу”, Р. Ассаджиоли - “Духовный Центр” в противоположность селфу и т.д., но дело не в названиях. “Говорящий” А.Белый в воспоминаниях М. Чехова являл пример превращения “единственного” в предмет: “Говорил ли он об искусстве, о законах истории, о биологии, физике, химии - тотчас же *он сам становился тяготением*, весом, ударом, толчком или скрытой силой зерна, увяданием, ростом, цветением. В готике он возносился, в барокко - круглился, жил в формах и красках растений, цветов, взрывался в вулканах, в грозах - гремел, бушевал и сверкал (как Лир, такой же седой, безудержный, но сегодняшний, не легендарный...). И во всем, что с ним делалось, виделись ритмы, то строгие, мощные, гневные, то огненно-страстные, то вдруг тихие, нежные, и что-то наивное, детское чудилось в них. Когда он сидел неподвижно, молчал, стараясь себя угасить, чтобы слушать, нам начинало казаться: не танцует ли он?”

Он сделал открытие. Путем вычислений, исследуя стихосложение, он проникал в душу поэта и слышал, как он говорил, пульс и дыхание Пушкина, Тютчева, Фета в минуты их творчества. Он демонстрировал сложные схемы кривых, математически найденных им для ритмов стиха. Каждый стих выявлялся на схеме особо, рисуя конкретно *смысл, содержание, идею* стиха. Математика через ритм вела к смыслу. И часто кривая вскрывала в стихе *содержание за содержанием*¹⁰. Поистине

⁸ См.: Р. Штайнер, указ. соч., с. 463.

⁹ См.: Н. Серов, Хроматическая интерпретация понятий “архетип” и “гендер”, “Московский психотерапевтический журнал”, 2004, № 2, с. 38-63.

¹⁰ Михаил Чехов, Об Андрее Белом, Литературное наследие. Т.1, М., 1995, с. 169-176.

для того, чтобы быть таким “защитником” всего, что видимо во внешнем мире, необходимо было долго, “танцующе-ритмически” молчать во внутреннем, а не много и “нехудожественно” изливать во внешний мир болтовню о “субъект-объектных” отношениях. Трудно не заметить, что сторонняя позиция по отношению к познаваемому приводит не только к постороннему взгляду на внешний мир, но и отстранению от собственного “Я”, меж тем как “эго-вовлеченность” в познание мира открывает для последнего будущность.

Наряду с коротким мышлением, современный человек основательно привык к мышлению неясному, неряшливому, размазанному и аппроксиматичному. Мутновидимость, смутнослышимость, недосказанность или аутоговорение, т.е. “матовое стекло” восприятия шизофреника, все прочнее вписывается в норму жизни. При этом, вызывает опасения не эта повседневность сама по себе, а то, что, перестав удивляться неясному мышлению, все труднее пробуждаться от дремоты. Недовершенные гештальты не пропускают свет, приходящий из домысливания и довершения, и постоянно отклоняют истолкование чего бы то ни было. При этом привыкшие к недовершению энергично призывают к тому же и тех, в ком не убит пыливый дух и жажда понимания. “Тебе больше всех надо?”, “Не философствуй”, “Не бери в голову”, “Не принимай близко к сердцу” – вот что направо-налево советуется “умниками”, отбивающими охоту проходить мученичество мышления и понимания, вслед за которым, однако, открываются знаки свершения. Потому что заверченный гештальт есть свершение, тогда как несвершающееся – новомодная религия мира: ни с кем ничего не происходит, ничего не завершается и не совершается, все только случается. Ждут и жаждут случая оказаться миллионером, жениться на красавице, стать звездой и пр.

“Ненормальными оказываются те явления, - пишет Гете, - когда особенное берет верх и оно возникает произвольным, кажущимся и даже случайным образом”¹¹. Так взывают к всемогущему случаю: истерик видит в нем средство для всеобщего обожания, перфекционист – для достижения первого места на чемпионате жизни, шизофреник – для переделки мира в соответствии со своими представлениями о нем, депрессант - для осуществления того единственного желания, из-за которого он оказался в депрессии и т.д., нам же, “нормальным”, случай нужен, выражаясь обобщенно, для миллиона (предполагается, что все остальное у нас уже есть).

Речь, разумеется, не о том, чтобы не иметь, а о том, чтобы понять, что там, где недосмотрены связи, приводящие к видению закономерной мудрости, в свои права вступает безглазое иго случая. “Здесь закономерность, здесь Бог!”* – говорил Гете, когда видел подлинное произведение

¹¹ И. В. Гете, Избранные сочинения по естествознанию, серия “Классики науки”, М., 1957, с. 184.

* Речь идет о путешествии Гете в Италию, где он встретился с подлинным искусством; похоже, что через современное искусство Бог перестал говорить.

искусства, но для того, чтобы схватить подобные закономерности, из области мышления необходимо не только изгнать автоматические мысли, но понимать мышление в искомом гетевском значении слова *морфологически**, т.е. с точки зрения обнаружения обширных, живых и подвижных смысловых связей.

Безучастный взгляд привыкшего недомысливать человека - взгляд медузы Горгоны, превращающий мышление в окаменелость. Он всего лишь *узнает, но не познает* предмет, другого человека, явление, меж тем как разница между узнаванием и познаванием огромна, если учесть, что узнает также животное, а познает только человек.

Тот, кто наспех прекращает мыслительный процесс, едва на горизонте обрисовываются узоры, складывающиеся из правильных связей между явлениями, движим особым родом цинизма, отталкивающим саму возможность потратить на обдумывание полученного впечатления больше времени, чем само это впечатление. Имеющий вкус к точной и устойчивой мысли знает, что понимание впечатления требует во много крат больше времени, чем само впечатление. Возникает вопрос: как быть тогда с ситуациями, требующими быстрых решений или реакций? Но проблема как раз в том, что сначала необходимо длительно подготовить и проработать мышление так, чтобы точная мысль вошла в *привычку*, ибо только так быстрое решение будет иметь шанс быть правильным. Заблуждение возникает оттого, что телега ставится впереди лошади — сначала прими быстрое решение, да так, чтобы решение пришло само и ниоткуда, а потом учись на ошибках. Аналогично с реакциями. Предполагается, что живые, непосредственные реакции — природная данность. В определенном смысле это так: мы имеем их от природы, а точнее, от детства (никогда взрослому не быть так потрясающе конгруэнтным, как ребенок). Но прежде, чем сознающий себя взрослый освоит живые непосредственные реакции, он пройдет трудный путь опосредованных реагирований, своего рода “детерминант-наручников”, надетых на него природой и обществом. Вот одна самая простая детерминанта: “Разговор шел об изменении климата, меня приглашали к участию, а я беспокоилась о том, как я выгляжу”. Главное, чтоб костюмчик сидел, ну а если никто не выявит подлинные причины климатических катаклизмов, на ком тогда костюмчик сидеть будет?

Общеизвестно, что задачей мышления является выявление подлинных связей между предметами и явлениями и отделение их от случайных совпадений; что течение ассоциативного процесса определяется случайными связями по смежности, сходству и контрасту, в то время как течение мыслительного процесса регулируется связями, протекающими из содержания самого предмета мышления; что ход ассоциативного процесса не осознается и не контролируется самим

* Понятие “морфология” (морфо, т.е. форма + логос) впервые ввел Гете, подразумевая обнаруживаемую через форму идею формообразования или метаморфозы.

субъектом, т. е. ассоциативный процесс лишен волевого компонента; что недопустимо смешение понятий “мышление” и “интеллект”, поскольку интеллект есть способность адаптироваться к ситуации, а также некий навык обучаемости в смысле комбинаторики знаний, а мышление - творческий процесс воссоздания в сознании предмета (или создание сознания, аутентичного предмету). Еще древние евреи проводили различие между мудростью и интеллектом, полагая, что интеллект или рассудочность зачастую приводят к глупости, а подлинное мышление или мудрость - никогда. Французский психолог А. Валлон разделял словесный и практический типы интеллекта. Последний свойственен и шимпанзе, когда он становится на ящик, чтобы достать банан. Это значит, что для операциональных действий нет необходимости в языке, тогда как для словесного интеллекта (или мышления) сам гений языка находит смысловые связи при условии, что в наличии имеется собственно словесная действительность, а не языковые иллюзии, обильно распространившиеся в разговорном языке современного человека.

Первый признак мыслящего человека - умение увидеть проблему там, где она есть. Симптом нашего времени - возрастание проблем при постоянном сужении круга видения проблемы. Потому что проблема, будучи не увидена в том месте, где она есть, неизбежно всплывает в другом месте. В своем месте она загнана, заглушена, заспана. Так, служение делу революции без мыслительного вникания в идейные основы этого дела предполагало отправление иных на расстрел, потом - отправление на расстрел тех, кто расстреливал и т.д. На момент бездумного подчинения тому, кто выше статусом, даже если последний сроднился с бредом и вопиющей несправедливостью, это подчинение не видится как проблема. Проблема возникает тогда, когда эта несправедливость или бред касается лично данного подчинившегося. Эти соотношения прекрасно отражает формула психосоматики: “там, где молчит рот, говорит тело”. Человек, не желающий осознать причину собственной тревоги, которая, например, может исходить из тотальной ненависти к окружению, расплачивается телесным здоровьем. Вот тогда проблема дает о себе знать, но тому, у кого она возникает, кажется, что она свалилась неведь откуда. Случайно возникший медицинский симптом сам является симптомом того, что человек некогда избежал ответственности за осознание, продумывание, действие, чувство, жест. Почти все методы психотерапии побуждают человека каждое утверждение связывать со смыслами ответственности, например, начинать или завершать утверждение словами: “и я беру ответственность за...” (“теперь я не знаю, что сказать, и я беру ответственность за свое незнание”). В случае же психологической проблемы, не перешедшей в патологию (а таковые есть у всех), психотерапевты советуют намеренно усиливать проблему, превращая ее в симптом. К примеру, превращая тревогу в паническую атаку, они побуждают человека окольным путем понять корни тревожности.

Согласно конфузионной технике известного американского психо-

терапевта М. Эриксона, когда человек силится что-либо понять, но не может уследить за логическими связями, которые терапевт постоянно нарушает, он перестает мыслить, впадает в трансовое состояние сознания и засыпает¹². Если это правомерно внутри терапевтического кабинета, то невнимание к мыслительным дефектам в жизни равнозначно превращению жизни в трансовую жизнь. И наоборот, необходимо быть во много раз более пробужденным по отношению к *бессознательным* “конфузионистам”, тем, чья имплицитная задача заключается в том, чтобы усыпить окружение, кто готов в общении, науке и собственной голове запутать любую проблему так, чтобы не осталось ни одной ясной мысли. Это — враги кристаллизации мысли, размывающие и размывающие смыслы, распространители мутной мыслительной среды, где, как известно, можно словить рыбку, которая есть не только выгода, но и возможность отспупления на случай, если кому-то, кто ненавидит мыслительную муть, придет в голову прямо спросить о мнении или решении. Они никогда не ответят по существу вопроса, разбавляя проблему до тех пор, пока она окончательно не потеряет форму.

Инструментом аппроксиматического и конфузионного мышления служит пустая речь, шкурки слов, складывающиеся в общий мусор, перемежающийся терминами. Особенно легко создавать подобную мыслительную муть в области гуманитарных наук, где не сразу опознаются имитирующие содержание присвоенные языковые структуры и отрезанные от целого мысли. Здоровая психика реагирует на подобные речи импульсивным требованием: “А теперь своими словами!”. Но этот возглас мгновенно превращается в глас вопиющего. В Милане напротив знаменитого театра “Ла Скала” есть трактир, в котором издавна собираются артисты, музыканты, знатоки сцены. Там под стеклом давно хранится бутылка шампанского, которая предназначена тому, кто сумеет последовательно и понятно пересказать своими словами содержание оперы Верди “Трубадур”. Бутылка эта хранится более ста лет, вино становится все крепче, а “счастливчика” все нет.

Гуманитарные науки, похоже, имеют реальный шанс приравняться к либретто “Трубадура”. Создается впечатление, что преподающим эти науки, позволено размывать ее истины в туманных отвлеченностях, сознательно или неосознанно прикрываясь “субъективностью” гуманитарного знания и кантовской «вещью-в-себе», которая в данной ситуации оказывает неоценимую услугу: ведь мы знаем, что “вещь” есть, но не знаем ее, потому что она “в себе”. Иллюстрацию такого преподавательского стиля предоставил еще П. Абеляр в образе некоего Ансельма Ланского, который считался высшим авторитетом в области богословия.

¹² Правда, логические суждения сами по себе не могут стать гарантией истинности, т. е. соответствия действительности или тому, что есть (по П. Флоренскому, истина = естине), тем не менее, повсеместно нарушаются даже логические законы.

«Итак, я пришел к этому старцу, - рассказывает П. Абеляр, - который был обязан славой больше своей долголетней преподавательской деятельностью, нежели своему уму или памяти. Если кто-нибудь приходил к нему с целью разрешить какое-нибудь свое недоумение, то уходил от него с еще большим недоумением. Правда, его слушатели им восхищались, но тем не менее, он казался ничтожным в глазах вопрошавших его о чем-либо. Он изумительно владел речью, но она была крайне бедна содержанием и лишена мысли. Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом. Он был похож на дерево с листвой, которое издали представлялось величественным, но вблизи и при внимательном рассмотрении оказывалось бесплодным»¹³. Современные «ланские» ничем не уступают своему предшественнику, разве что к этому прибавился альянс с властью, которой нет дела ни до «дыма», ни до «света», но есть дело до того, чтобы никто не выделялся.

Что же, в первую очередь, не позволяет увидеть и отреагировать на когнитивную непоследовательность, аппроксиматичность мысли или прямой абсурд? Мыслительная лень и инерционность, из-за которых беззлые в принципе люди пополняют ряды ни во что не вникающих «умников». Отсюда — один шаг до выполнения гитлеровских приказов, ибо многие перестали думать с приходом фюрера и восстановили способность мышления только после падения рейха. В сегодняшних обстоятельствах, однако, вовсе не обязательно быть нонкомформистом, героем или диссидентом, достаточно с некоторой настойчивостью вникнуть в услышанное или прочитанное, и тяга к точной и устойчивой мысли зародится сама собой, после чего сформируется благоговейное и любовное отношение к мыслительному процессу, а последнее выступит гарантом правильного, т.е. соответствующего действительности мышления. Меж тем, носитель инерционного мышления лелеет в глубинах бессознательного ненависть как к познанию, так и к истине. А поскольку такое положение дел долго продолжаться не может, он отдает свое суверенное право мыслить в чужие руки. «Довольный тем, что избавился от неприятной необходимости мыслить, - пишет Ф. Шиллер, - человек предоставил другим право опеки над своими понятиями»¹⁴. Как правило, руки, в которые попадает право опеки, оказываются «нечистыми» и, как правило, руками в большей или меньшей степени власть имущих. «А власть, - как однажды заметил Дж. Оруэлл, - состоит в том, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить в таком виде, в каком ей угодно»¹⁵. И это естественно, иначе как можно поступать с теми, чье «Я» не принимает участия в том, *как и что* оно мыслит и говорит? Вслед за подобным мышлением и говорением топографически рисуется соответствующее действие или внешнее событие. Например,

¹³ Пьер Абеляр. История моих бедствий. М., 1959, с. 74.

¹⁴ Ф. Шиллер, Письма об эстетическом воспитании человека, собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 274.

¹⁵ Дж. Оруэлл, "1984", цит. по: modern-aforizm.boom.ru.

чем больше думают и говорят о правах человека, коррупции, гуманизме и пр., тем изощреннее эти права нарушаются, тем основательнее в этой коррупции застревают, тем более дегуманизированным оказывается мир. В свою очередь, чем интенсивней дегуманизация, тем менее человек доверяет разуму и тем более обращается к инстинктам.

Знания в области эволюционных процессов много раз указывали на различия в смыслах развития человека и животного. К примеру, страус, который в неопределенных и вызывающих тревогу ситуациях имеет обыкновение прятать голову в песок, стал самым несчастным из животных: будучи птицей, он не умеет летать. По иронии, в тот момент, когда он прячет свою голову, его жизнь становится более уязвимой и незащищенной, чем жизнь животных, смотрящих в лицо опасности. Будущее человека, если он будет продолжать отказываться от мышления и отворачивать лицо от окружающего его нонсенса, не пытаясь вникнуть в его причины, обещает аналогичное, а именно: необработанность мышления вплоть до той степени, при которой отпадает необходимость опираться на собственное "Я". Если же шаг за шагом или кусок за куском человек будет отказываться от своего "Я", последнее потеряет свою субстанциональность.

В этих обстоятельствах, кроме того, что человек полностью приспособится к бредовому миру, где все смыслы будут поставлены с ног на голову, он, помимо своего мышления, доверит другому и свою жизнь. А тот, уже самим фактом взятия этой жизни под свое покровительство докажет, что не будет поощрять индивидуальность в дающем, но, сам, будучи индивидуальностью *иного* толка, сделает с этой жизнью все, что захочет.

Գ. Մ. ՇԱՀՎԵՐԳՅԱՆ – *Ժամանակակից մարածողության մի տանձնահատկության մասին*. – Հոդվածը նվիրված է ժամանակակից մարտի մտածողության առանձնահատկություններից մեկին. այն է՝ մտքի անավարտությանը: Վերլուծվում են այդ երևույթի պատճառները, նաև մտավոր անհեթեթությանը և արսուրդին չհակազդելու սովորությունը: Յույց է տրված, որ նման մտածողությունը աղավաղում է մարդու «Ես»-ի ուժը և կարող է հանգեցնել դրա սուբստանցիոնալ կորստին: